

Любовь ЛУКИНА
Евгений ЛУКИН

ОТДАЙ МОЮ ПОСАДОЧНУЮ НОГУ!

РАССКАЗ

И утопленник стучится
Под окном и у ворот.
А. С. Пушкин

Алеха Черепанов вышел к поселку со стороны водохранилища. Под обутыми в целлофановые пакеты валенками похлопывал губчатый мартовский снег. Сзади остался заветный заливчик, издырявленный, как шумовка, а на дне рюкзака лежали — стыдно признаться — три окунька да пяток красноперок. Был еще зобанчик, но его утащила ворона.

Дом Петра стоял на отшибе, отрезанный от поселка глубоким оврагом, через который переброшен был горбыльно-веревочный мосток с проволочными перилами. Если Петро, не дай бог, окажется трезвым, то хочешь не хочешь, а придется по этому мостку перебираться на ту сторону и чапать аж до самой станции. В темноте.

Леха задержался у калитки и, сняв с плеча ледобур — отмахаться в случае чего от хозяйского Уркуна, — взялся за ржавое кольцо. Повернул со скрипом. Хриплого заполосного лая, как ни странно, не последовало, и, озадаченно пробормотав: «Сдох, что ли, наконец?..» — Леха вошел во двор.

Художник Геннадий ФИЛАТОВ

Сделал несколько шагов и остановился. У пустой конуры на грязном снегу лежал обрывок цепи. В хлеву не было слышно шумных вздохов жующей Зорьки. И только на черных ребрах раздетой на зиму теплицы шуршали белесые ключья полиэтилена.

Смеркалось. В домишках за оврагом уже начинали вспыхивать окна. Алексей поднялся на крыльцо и, не обнаружив всякого замка, толкнул дверь. Заперто. Что это так рано?..

— Хозяева! Гостей принимаете?

Тишина.

Постучал, погремел щеколдой, прислушался. Такое впечатление, что в сенях кто-то был. Дышал.

— Петро, ты, что ли?

За дверью перестали дышать. Потом хрипло осведомились:

— Кто?

— Да я это, я! Леха! Своих не узнаешь?

— Леха... — недовольно повторили за дверью. — Знаем мы таких Лех... А ну заругайся!

— Чего? — не понял тот.

— Заругайся, говорю!

— Да иди ты!.. — рассвирепев, заорал Алексей, — Котелок ты клепаный! К нему как к человеку пришли, а он!..

Леха плюнул, вскинул на плечо ледобур и хотел уже было сбежать с крыльца, как вдруг за дверью загредел засов и голос Петра проговорил торопливо:

— Слышь... Я сейчас дверь приотворю, а ты давай входи, только по-быстрому...

Дверь действительно приоткрылась, из щели высунулась рука и, ухватив Алексея за плечо, втащила в отдающую перегаром темноту. Снова загредел засов.

— Чего это ты? — пораженно спросил Леха, — Запил — и ворота запер?.. А баба где?

— Баба?.. — В темноте поспели. — На хутор ушла... К матери...

— А... — понимающе протянул мало что понявший Леха. — А я вот мимо шел — дай, думаю, зайду... Верить, за пять лет вторая рыбалка такая... Ну не берет ни на что, и все тут...

— Ночевать хочешь? — сообразительный в любом состоянии, спросил Петро.

— Да как... — Леха смутился. — Вижу: к поезду не успеваю, а на станции утра ждать — тоже, сам понимаешь...

— Ну заходи... — как-то не по-доброму радостно разрешил Петро и, хрустнув в темноте ревматическими суставами, плоско-стопом протопал в хату. Леха двинулся за ним и тут же лобызнулся с косяком — аж зубы лязгнули.

— Да что ж у тебя так темно-то?!

Действительно, в доме вместо полагающихся вечерних сумерек стояла все та же кромешная чернота, что и в сенях.

— Сейчас-сейчас... — бормотал где-то неподалеку Петро. — Свечку запалим, осветлей будет...

— Провода оборвало? — поинтересовался Леха, скидывая наугад рюкзак и ледобур. — Так вроде ветра не было...

Вместо ответа Петро чиркнул спичкой и затеплил свечу. Масляно-желтый огонек задышал, подрос и явил хозяина хаты во всей его красе. Коренастый угрюмый Петро и при дневном-то

освещении выглядел диковато, а уж теперь, при свечке, он и вовсе напоминал небритого и озабоченного упыря.

Леха стянул мокрую шапку и огляделся. Разгром в хате был ужасающий. Окно завешано байковым одеялом, в углу — толстая, как виселица, рукоять знаменитого черпака, которым Петро всю зиму греб мотыль на продажу. Видимо, баба ушла на хутор к матери не сегодня и не вчера...

Размотав бечевки, Леха снял с валенок целлофановые пакеты, а сами валенки определил вместе с шапкой к печке — сушиться. Туда же отправил и ватник. Хозяин тем временем слезил под стол и извлек оттуда две трехлитровые банки: одну — с огурцами, другую — известно с чем. Та, что известно с чем, была уже опорожнена на четверть.

— Спятил? — сказал Леха. — Куда столько? Стаканчик приму для сугреву — и все, и прилягу...

— Приляжь-приляжь... — ухмыляясь, бормотал Петро. — Где приляжешь, там и вскочишь... А то что ж я: все один да один...

«Горячка у него, что ли?» — с неудовольствием подумал Леха и, подхватив с пола рюкзак, отнес в сени, на холод. Возвращаясь, машинально щелкнул выключателем.

Вспыхнуло электричество.

— Погуши! — испуганно закричал Петро. Белки его дико выкаченных глаз были подернуты кровавыми прожилками.

Леха опешил и выключил, спорить не стал. Какая ему в конце концов разница! Ночевать пустили — и ладно...

— Ишь, раздухарился... — бормотал Петро, наполняя всклень два крупных граненых стаканчика. — Светом щелкает...

Решив ничему больше не удивляться, Алексей подсел к столу и выловил ложкой огурец.

— Давай, Леха, — с неожиданным надрывом сказал хозяин. Глаза — неподвижные, в зрачках — по свечке. — Дерябнем для храбрости...

Почему для храбрости, Леха не уразумел. Дерябнули. Первач был убойной силы. Пока Алексей давился огурцом, Петро успел разлить по второй. В ответ на протестующее мычание гостя сказал, насупившись:

— Ничего-ничего... Сейчас сало принесу...

Привстал с табуретки и снова сел, хрустнув суставами особенно громко.

— Идет... — плачуще проговорил он. — Ну точно — идет... углядел-таки... Надо тебе было включить!..

— Кто?

Петро не ответил — слушал, что происходит снаружи.

— На крыльцо подымается... — сообщил он хриплым шепотом, и в этот миг в сенях осторожно стукнула щеколда.

— Открыть?

Петро вздрогнул. Мерцающая дробинка пота сорвалась стружкой по виску и увязла в щетине.

— Я те открою!.. — придушено пригрозил он.

Кто-то потоптался на крыльце, еще раз потрогал щеколду, потом сошел вниз и сделал несколько шагов по подмерзшему к ночи снегу. Остановился у завешанного одеялом окна.

— Отда-ай мою поса-адочную но-огу-у!.. — раздался откуда-то из-под земли низкий с подвыванием голос.

Леха подскочил, свалил стаканчик, едва не опрокинул свечку.
— Что это?!

Петро молчал, бессмысленно уставясь на растекшуюся по клеенке жидкость. Губы его беззвучно шевелились.

— Чего льешь-то... — мрачно выговорил он наконец. — Добро переводишь...

— Отда-ай мою поса-адочную но-огу-у!.. — еще жутче про-выло из печки.

Леха слетел с табурета и схватил ледобур.

— Да сиди ты... — буркнул Петро, снова снимая пластмас-совую крышку с трехлитровой банки. — Ничего он нам не сде-лает... Прав не имеет, понял?.. Так, попугает чуток...

Ничего не понимающий Леха вернулся было к столу и тут же шархнулся вновь, потому что одеяло на окне всколых-нулось.

— Сейчас сбросит... — с содроганием предупредил Петро. Лехин стаканчик он наполнил, однако, не пролив ни капли.

Серое байковое одеяло с треугольными подпалинами от утю-га вздувалось, ходило ходуном и наконец сорвалось, повисло на одном гвозде. Лунный свет отчеркнул вертикальные части рамы. Двор за окном лежал, наполовину утопленный в густую тень, из которой торчал остов теплицы с шевелящимися обрывками полиэтилена.

Затем с той стороны над подоконником всплыла треугольная зеленоватая голова на тонкой шее. Алексей ахнул. Выпуклые, как мыльные пузыри, глаза мерцали холодным лунным светом. Две лягушачьи лапы бесшумно зашарили по стеклу.

— Кто это? — выпершил Леха, заслоняясь от видения ле-добуром.

— Кто-кто... — недовольно сказал Петро. — Инопланетян!..

— Кто-о?!

— Инопланетян, — повторил Петро еще суровее. — Газет, что ли, не читаешь?

— Слушай, а чего ему надо? — еле выговорил насмерть пе-репуганный Леха.

— Отда-ай мою поса-адочную но-огу-у!.. — простонало уже где-то на чердаке.

Петра передернуло.

— Под покойника, сволочь, работает, — пожаловался он. — Знает, чем достать... Я ж их, покойников, с детства боюсь, — взболтнул щетинистыми щеками и повернулся к Лехе. — Да ты садись, чего стоять-то?.. Брось ледобур! Брось, говорю... Я вон тоже сначала с дрыном сидел... — И Петро кивнул на рукоятку черпака в углу.

Во дворе трепыхались посеребренные луной обрывки полиэти-лена. Инопланетянина видно не было. Леха бочком подобрался к табуретке и присел, прислонив ледобур к столу. Оглушил зал-пом стаканчик и, вздрогнув, оглянулся на окно.

— Ты, главное, не бойся, — силло поучал Петро. — В дом он не войдет, не положено... Я это уже на третий день понял...

— Отдай! — внятно и почти без подвывания потребовал голос.

— Не брал я твою ногу! — заорал Петро в потолок. — Вот

привязался, лупоглазый!.. — в сердцах сказал он Лехе. — Уперся, как баран рогом: отдай да отдай...

— А что за нога-то? — шепотом спросил Леха.

— Да подпорку у него кто-то с летающей тарелки свинтил,— нехотя пояснил Петро. — А я как раз мимо проходил — так он, видать, на меня подумал...

— Отдай-й-й!.. — задрезжало в стеклах.

— Ишь как по-нашему чешет!.. — оторопело заметил Леха.

— Научился... — сквозь зубы отвечал ему Петро. — За две-то недели! Только вот матом пока не может — не получается... Давай-ка еще... для храбрости...

— Не отдашь? — с угрозой спросил голос.

Петро заерзал.

— Сейчас кантовать начнет, — не совсем понятно предупредил он. — Ты только это... Ты не двигайся... Это все так — видимость одна.. — И, подозрительно поглядев на Леху, переставил со стола на пол наиболее ценную из банок.

Дом крякнул, шевельнулся на фундаменте и вдруг с треском накренился, явно приподнимаемый за угол. Вытаращив глаза, Леха ухватился обеими руками за края столешницы.

На минуту пол замер в крутом наклоне, и было совершенно непонятно, как это они вместе со столом, табуретками, банками, ледобуром и прочим до сих пор не въехали в оказавшуюся под ними печь.

— А потом еще на трубу поставит, — нервно предрек Петро, и действительно после короткой паузы хата вновь заскрипела и переброкинулась окончательно. Теперь они сидели вниз головами, пол стал потолком, и пламя свечи тянулось книзу.

— Отда-ай мою поса-адочную но-огу-у!.. — проревело чуть ли не над ухом.

— Не вскакивай, слышь! — торопливо говорил Петро. — Это он не хату, это он у нас в голове что-то поворачивает. — Ты, главное, сиди... Вскочишь — убьешься...

— Долго еще? — прохрипел Леха. Ему было дурно, желудок подступал к горлу.

— А-а!.. — сказал Петро. — Не нравится? Погоди, он еще сейчас кувыркать начнет...

Леха даже не успел ужаснуться услышанному. Хата кувыркнулась раз, другой... Третьего раза Леха не запомнил.

Очнулся, когда уже все кончилось. Еле разжал пальцы, выпуская столешницу. Петро сидел напротив — бледный, со слезой в страдальчески раскрытых глазах.

— Главное — что? — обессиленно проговорил он. — Главное — не верит, гад!.. Обидно, Леха...

Шмыгнул носом и полез под стол — за банкой. В окне маячило зеленое рыльце инопланетянина. Радужные, похожие на мыльные пузыри глаза с надеждой всматривались в полумрак хаты.

— А ты ее точно не брал? Ну, ногу эту...

Петро засопел.

— Хочешь, перекрещусь? — спросил он и перекрестился,

— Ну так объясни ему...

— Объясни, — сказал Петро,

Леха оглянулся. За окном опять никого не было. Где-то у крыльца еле слышно похрустывал ломкий снежок.

— Слышь, друг... — жалобно позвал Леха. — Ошибка вышла. Зря ты на него думаешь... Не брал он у тебя ничего...

— Отда-ай мою поса-адочную но-огу-у!.. — простонало из сеней.

— Понял? — сказал Петро. — Лягва лупоглазая!..

— Так, может, милицию вызвать?

— Милицию?! — вскинувшись, Петро выкатил на Леху налитые кровью глаза. — А аппарат? А снасти куда? Что ж мне теперь, все хозяйство вывозить?.. Милицию...

Алексей хмыкнул и задумался.

— Уркан убег... — с горечью проговорил Петро, раскачиваясь в тоске на табуретке. — Цепь сорвал — и убег... Все бросили, один сиду...

— Ты погоди... — с сочувствием глядя на него, сказал Леха. — Ты не отчаивайся... Что-нибудь придумаем... Разумное же существо — должен понять...

— Не отдашь? — спросило снаружи разумное существо.

— Давай-ка еще примем, — покряхтев, сказал Петро. — Бог его знает, что он там надумал...

Приняли. Прислушались. Хата стояла прочно, снаружи — ни звука.

— Может, отвязался? — с надеждой шепнул Леха.

Петро решительно помотал небритыми щеками.

Некое едва уловимое журчание коснулось Лехино слуха, Ручей — в начале марта? Ночью?.. Леха заморгал, и тут журчание резко усилило громкость — всклокотало, зашипело... Ошибки быть не могло: за домом, по дну глубокого оврага, подхватывая мусор и ворочая камни, с грохотом неслась неизвестно откуда взявшаяся вода. Вот она взбурлила с натугой, явно одолевая какую-то преграду, и через минуту снесла ее с треском и звоном лопающейся проволоки.

— Мосток сорвало... — напряженно вслушиваясь, сказал Петро.

Светлый от луны двор внезапно зашевелился: поплыли щепки, дощечки. Вода прибывала стремительно. От калитки к подоконнику прыгнула лунная дорожка. Затем уровень взлетел сразу метра на полтора, и окно на две трети оказалось под водой. Дом покряхтывал, порывался всплыть.

— Сейчас стекла выдавит, — привизгивая от страха, проговорил Алексей.

— Хрен там выдавит, — угрюмо отозвался Петро. — Было б чем выдавливать!.. Он меня уж и под землю вот так проваливал...

В пронизанной серебром воде плыла всякая дрянь: обломок жерди с обрывком полиэтилена, брезентовый рюкзачок, из которого выпорхнули вдруг одна за другой две красноперки...

— Да это ж мой рюкзак, — пораженно вымолвил Леха. — Да что ж он, гад, делает!..

Голос его пресекал: в окне, вытолкав рюкзачок за границу обзора, заколыхался сорванный потоком горбыльно-веревочный мосток и запутавшийся в нем бледный распухший утопленник, очень похожий на Петра,

— Тыфу, поганы! — Настоящий Петро не выдержал и, от-
вернувшись, стал смотреть в печку.

— Окно бы завесить... — борясь с тошнотой, сказал Леха и, не получив ответа, встал. Подобрался к висящему на одном гвозде одеялу, протянул уже руку, но тут горбыльно-веревочную путаницу мотнуло течением, и Леха оказался с покойником лицом к лицу. Внезапно утопленник открыл страшные глаза и, криво разинув рот, изо всех сил ударил пухлым кулаком в стекло.

Леха так и не понял, кто же все-таки издал этот дикий вопль: утопленник за окном или он сам. Беспорядочно отмахиваясь, пролетел спиной вперед через всю хату и влипился в стену рядом с печкой.

...Сквозь целые и невредимые стекла светила луна. Потопа — как не было. Бессмысленно уставясь на оплывающую свечу, горбился на табуретке небритый Петро. Нетвердым шагом Леха приблизился к столу и, чудом ничего не опрокинув, плеснул себе в стакан первача.

— А не знаешь, кто у него мог эту ногу свинтить? — спросил он, обретая голос.

Петро долго молчал.

— Да любой мог! — буркнул он наконец. — Тут за оврагом народ такой: чуть зевнешь... Вилы вон прямо со двора сперли — и Уркан не учуял...

— Ну ни стыда ни совести у людей! — взорвался Леха. — Ведь главное: свинтил — и спит себе спокойно! А тут за него...

Он замолчал и с опаской выглянул в окно. Зеленоватый маленький инопланетянин понуро стоял у раздетой на зиму теплицы. Видимо, обдумывал следующий ход.

— Чего он там? — хмуро спросил Петро.

— Стоит, — сообщил Леха. — Теперь к поленнице пошел... В дровах копается... Не понял! Сарай, что ли, хочет поджечь?..

— Да иди ты! — испуганно сказал Петро и вмиг очутился рядом.

Инопланетянин с небольшой охапкой тонких чурочек шел на голенастых ножках к сараю. Свалил дрова под дверь и обернулся, просяв капельками глаз.

— Не отдашь?

— Запалит ведь! — ахнул Петро. — Как пить дать запалит!

Он метнулся в угол, где стояла чудовищная рукоять черпака. Схватил, кинулся к двери, но на пути у него встал Леха.

— Ты чего! Сам же говорил: видимость!..

— А вдруг нет? — рявкнул Петро. — Дрова-то — настоящие!

Тут со двора послышался треск пламени, быстро перешедший в рев. В хате затанцевали алые отсветы.

— Запалил... — с грохотом роняя рукоятку, выдохнул Петро. — Неужто взаправду, а? У меня ж там аппарат в сарае! И снасти, и все...

Леха припал к стеклу.

— Черт его знает... — с сомнением молвил он. — Больно дружно взялось... Бензином вроде не поливал...

Часто дыша, Петро опустился на табуретку.

В пылающем сарае что-то оглушительно ахнуло. Крыша вспу-

чилась. Лазоревый столб жара, насыщенный золотыми искрами, выбросило чуть ли не до луны.

— Фляга... — горестно тряся щетинами, пробормотал Петро.— Может, вправду отдать?..

Леха вздрогнул и медленно повернулся к нему.

— Что?.. — еще не смея верить, спросил он. — Так это все-таки ты?..

Петро подскочил на табуретке.

— А пуская курятник не растопыривает! — злобно закричал он. — Иду — стой! Прямо на краю поля стоит! Дверца открыта — и никого! А у меня сумка с инструментом! Так что ж я, дурее паровоза?! Подпер сбоку чуркой, чтоб не падала, ну и...

— погоди! — ошеломленно перебил Леха. — А как же ты... В газетах же пишут: к ним подойти невозможно, к тарелкам этим! Страх на людей нападает!

— А думаешь — нет? — наливаясь кровью, заорал Петро. — Да я чуть не помер, пока отвинчивал!..

— Отда-ай мою поса-адочную но-огу-у!.. — с тупым упорством завывал инопланетянин.

— Отдаст! -- торопливо крикнул Леха. — Ты погоди, ты не делай пока ничего... Отдаст он!

— А чего это ты чужим добром швыряешься? — ощетинившись, спросил Петро.

— Ты что, совсем уже чокнулся? — в свою очередь, заорал на него Леха. — Он же от тебя не отстанет! Тебя ж отсюда в дурдом отвезут!..

— И запросто... — всхлипнув, согласился Петро.

— Ну так отдай ты ему!..

Петро закряхтел, щетинистое лицо его страдальчески пере-кривилось.

— Жалко... Что ж я, зазря столько мук принял?..

Леха онемел.

— А я? — страшным шепотом начал он, надвигаясь на попятившегося Петра. — Я их за что принимаю, гад ты ползучий?!

— Ты чего? Ты чего? — отступая, вскрикивал Петро. — Я тебя что, силком сюда тащил?

— Показывай! — неистово выговорил Леха.

— Чего показывай? Чего показывай?

— Ногу показывай!..

То и дело оглядываясь, Петро протопал к разгромленной двуспальной кровати в углу и, заворотив перину у стены, извлек из-под нее матовую полутораметровую трубу с вихляющимся полированным набалдашником.

— Только, слышь, в руки не дам, — предупредил он, глядя исподлобья. — Смотреть — смотри, а руками не лапай!

— Ну и на кой она тебе?

— Да ты что? — Петро даже обиделся. — Она ж раздвижная! Гля!

С изрядной ловкостью он насадил набалдашник поплотнее и, провернув его в три щелчка, раздвинул трубу вдвое. Потом — вчетверо. Теперь посадочная нога перегораживала всю хату — от кровати до печки.

— На двенадцать метров вытягивается! — взаклеб объяснял

Петро. — И главное — легкая, зараза! И не гнется! Приклепать черпак полтора на полтора — это ж сколько мотыля намотать можно! Семьдесят копеек коробок!..

Леха оглянулся. В окне суетился и мельтешил инопланетянин: подскакивал, вытягивал шеенку, елозил по стеклу лягушачьими лапками.

— Какой мотыль? — закричал Леха. — Какой тебе мотыль? Да он тебя за неделю в гроб вколотит!

Увидев инопланетянина, Петро подхватился и, вжав голову в плечи, принялся торопливо приводить ногу в исходное состояние.

— Слушай, — сказал Леха. — А если так: ты ему отдаешь эту хреновину... Да нет, ты погоди, ты дослушай!.. А я тебе на заводе склепаю такую же! Из дюралья! Ну?

Петро замер, держа трубу, как младенец. Его раздирали сомнения.

— Гнутья будет... — выдавил он наконец.

— Конечно, будет! — рявкнул Леха. — Зато тебя на голову никто ставить не будет, дурья твоя башка!

Петро медленно опустился на край кровати, Лицо отчаянное, труба — на коленях.

— До белой горячки ведь допьешься, — сказал Леха.

Петро замычал, раскачиваясь.

— Пропадешь! Один ведь остался! Баба — ушла! Уркан — на что уж скотина тупая! И тот...

Петро поднял искаженное мукой лицо.

— А не врешь?

— Это насчет чего? — опешил Леха.

— Ну, что склепаешь... из дюралья... такую же...

— Да вот чтоб мне провалиться!

Петро встал, хрустнув суставами, и тут же снова сел. Плечи его опали.

— Сейчас пойду дверь открою! — пригрозил Леха. — Будешь тогда не со мной, будешь тогда с ним разговаривать!

Петро зарычал, сорвался с места и, тяжело бухая ногами, устремился к двери. Открыл пинком и исчез в сенях. Громыкнул засов, скрипнули петли, и что-то с хрустом упало в ломкий подмерзший снег.

— На, подавись! Крохобор!

Снова лягнул засов, и Петро с безумными глазами возник на пороге. Пошатываясь, подошел к табуретке. Сел. Потом застонал и с маху треснул кулаком по столешнице. Банка, свечка, стаканчики — все подпрыгнуло. Скрипнув зубами, уронил голову на кулак.

Леха лихорадочно протирал стекло. В светлом от луны дворе маленький инопланетянин поднял посадочную ногу и, бережно обтерев ее лягушачьими лапками, понес мимо невинного сарая к калитке. Открыв, обернулся. Луна просияла напоследок в похоях на мыльные пузыри глазах.

Калитка закрылась, брякнув ржавой щеколдой. Петро за столом оторвал тяжелый лоб от кулака, приподнял голову.

— Слышь... — с болью в голосе позвал он. — Только ты это... Смотри не обмани. Обещал склепать — склепай... И чтобы раздвигалась... Чтобы на двенадцать метров...

ЛЮБОВЬ И ЕВГЕНИЙ ЛУКИНЫ родились в 1950 году. Окончили Волгоградский педагогический институт. Работали в селе Верхнедобринка Волгоградской области. Там же и начали совместную литературную деятельность. Сегодня они авторы десятков фантастических произведений, опубликованных в периодической печати и сборниках, в 1990 году вышла их первая книга «Когда отступают ангелы».

В «Искателе» печатались повести Лукиных «Разные среди разных» и «Миссионеры».